

Данта Игнис

Властелин троганов
Хозяйка проклятой
ДЕРЕВНИ-3

Данта Игнис

Хозяйка проклятой деревни-3
Властелин троганов

«Литнет»

2025

Игнис Д.

Хозяйка проклятой деревни-3 Властелин троганов / Д. Игнис —
«Литнет», 2025

Война не знает милосердия, и Илидан, командующий легионом Троганов, знает это лучше других. Он был рожден в боли, выкован в холоде и закален в битвах. Но теперь на кону не просто победа, а судьба всего, что ему дорого. Древняя сила, дремавшая в нем веками, пробуждается, требуя выхода. Враг хитер и жесток, он бьет по самым уязвимым местам, и Илидан понимает: его броня, спасавшая три столетия, дала трещину. Имя этой трещине — Этти. Илидану предстоит сделать самый трудный выбор в жизни: остаться неуязвимым ледяным изваянием или рискнуть всем ради призрачного тепла, которое может его убить. Сможет ли он стать тем монстром, которого боится весь мир, чтобы спасти её? Или человеческая часть души, израненная кошмарами прошлого, окажется сильнее зловещего проклятия? Лед тронулся, и грядет буря, способная превратить мир в пепел.

© Игнис Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Илидан	5
Глава 2. Эtti	11
Глава 3. Илидан	17
Глава 4. Эtti	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Илидан

3 том цикла. Первая часть тут: Хозяйка проклятой деревни - <https://litnet.com/shrt/wOq3>

Тьма схлопнулась за спиной с сухим безжизненным треском, отрезая меня от единственного источника тепла в этом проклятом мире.

Я стоял посреди своего кабинета в северной крепости. Здесь не было ни уюта, ни мягкого света, который я оставил там, за гранью реальности. Только голые каменные стены, промерзшие насквозь, грубый стол, заваленный подробными картами местности, и запах старой пыли. Привычная обстановка. Моя обстановка.

Но сейчас она казалась мне чужой.

Ноги подогнулись, и я тяжело опустился в жесткое кресло, с силой проводя ладонями по лицу, словно пытаюсь стереть наваждение. Пальцы дрожали. Не от магического истощения – с силой у меня не было проблем. Они дрожали от того, что я только что совершил.

– Глупец... – слово сорвалось с губ хриплым шепотом, эхом отразившись от каменной кладки. – Какой же ты глупец, Илидан.

Я уставился на свои руки. Я чувствовал ее фантомное присутствие. Я чувствовал вкус ее губ – этот невозможный, пьянящий контраст с моим собственным существованием. Что это было? Зачем я пошел к ней? Я сказал себе, что мне нужно заземление, что мне нужно вспомнить, ради чего я превращаю себя в монстра. Но правда была куда страшнее.

Мне просто нужна была она.

Я сжал кулак, и деревянный подлокотник кресла жалобно хрустнул, превращаясь в щепки.

Эмоции, которые я годами выжигал в себе каленым железом, сейчас рвали меня на части. Ярость на самого себя смешивалась с острым, почти болезненным желанием вернуться, выломать дверь реальности и остаться там, у ее ног.

С чего я вообще взял, что имею на это право?

«Она посмотрела на тебя, – прошелестел предательский голос в голове. – Она ответила на поцелуй».

– Ложь, – выплюнул я в пустоту.

Меня никто никогда не любил. Даже собственная мать смотрела на меня с опаской, видя во мне не сына, а ошибку, того, кто испортил ей жизнь. Все, кто приближался ко мне, либо хотели чего-то, либо боялись до дрожи, либо в итоге предавали, всаживая нож в спину, как только я отворачивался. Предательство – это лишь вопрос времени. Это закон моей жизни.

Так почему я решил, что с Этти будет иначе?

Она ничего мне не обещала. Она не клялась в верности. Она просто девчонка, попавшая в жернова моей войны. И все же... Впервые за столетия одиночества меня тянуло к кому-то с такой силой, что это пугало больше, чем сотни подчиненных разумов троганов, скребущихся сейчас на периферии моего сознания.

Я привык быть один. Одиночество – это броня. Оно безопасно. Оно не делает больно. А то, что я чувствовал сейчас – эта уязвимость, эта открытая рана в груди – это путь к гибели.

Я встал и подошел к узкому окну-бойнице. Внизу, во внутреннем дворе крепости, маршировали солдаты, готовясь к очередной безнадежной битве. Снег, медленно засыпал плац.

– Забудь, – приказал я своему отражению в темном стекле. – Ты дракон. Ты король. У чудовищ не бывает счастливых финалов.

Но вкус ее губ все еще горел на моих, и никаким холодом этого мира я не мог его остудить.

Тонкий аромат ночной фиалки и свежесть предрассветного дождя, который я принес с собой из ее спальни, все еще фантомно щекотал ноздри. Но реальность безжалостно вытеснила эти ощущения. Нежный запах женщины, обещавший покой, сменился сухим, затхлым духом старых карт, остывшего свечного воска и пыли.

Я подошел к столу, чувствуя, как недавняя нежность внутри костенеет, превращаясь в привычный лед. У меня не было права оставаться с ней дольше. У меня не было права на слабость.

Мой взгляд уперся в карту, туда, где на севере жирный красный крест перечеркивал «Вороний пик».

Долина Ледяного Ветра была потеряна.

Это решение далось мне нелегко, но гордость – непозволительная роскошь для того, кто проигрывает войну. Саргон, мой «драгоценный» сводный брат, оказался куда лучшим стратегом, чем я надеялся. Его третий штурм пика был безупречен: он не стал тратить драконье пламя на стены, он просто обрушил скалу над цитаделью, похоронив под ней две трети гарнизона.

Мне пришлось отдать приказ об отступлении. Мы бежали, как побитые псы, оставляя за спиной дымящиеся руины и тела товарищей. Мы переправились через реку – бурную, ледяную артерию, отделяющую нас от полного уничтожения, – и я лично обрушил единственный мост.

Я провел пальцем по синей линии реки на карте. Сейчас Саргон стоит на том берегу. Он видит наши костры, чувствует наш страх, но не может переправить свои легионы. Бурное течение не дает навести понтоны, а для драконов перенос целой армии – задача непосильная и самоубийственная, ведь я этому помешаю.

Но это временно. Морозы крепчают. Вода замерзнет со дня на день. Может быть, завтра. Может, через неделю. И тогда лед станет мостом, по которому смерть придет за нами.

Я выиграл время. Ничтожно мало, но это все, что у меня было. Оно нужно не для отдыха. И не для того, чтобы подтянуть резервы – их просто неоткуда брать. Время нужно для *них*.

Я закрыл глаза, прислушиваясь к гулу в глубине сознания. Сейчас их чуть больше сотни.

В первый раз, когда я рискнул прикоснуться к разуму тварей из прорыва, мне удалось подчинить два десятка. Это казалось подвигом, пределом возможностей человеческой психики. Но война диктует свои правила.

Вчера я подчинил сотню.

Именно поэтому я сорвался. Именно поэтому, едва закончив ритуал, я, полубезумный от перенапряжения и шепота Бездны в голове, метнулся к Этти. Мне нужен был якорь. Мне нужно было увидеть что-то чистое живое, теплое, чтобы не раствориться в той тьме, которой я теперь командовал. Контроль над сотней ментальных уродов едва не выжег мне мозги, превратив в одного из них.

Но этого мало.

Сотня троганов – это сила, способная вырезать авангард. Но Саргон приведет тысячи солдат. У него есть боевые маги, осадные машины и драконы. Против такой армады моя сотня «ручных псов» – лишь капля в море.

Чтобы победить, мне нужно больше. Мне нужна не стая. Мне нужна Орда.

И если сотня едва не стоила мне рассудка, то что сделает со мной тысяча?

– Пусть река замерзает, – тихо произнес я в пустоту кабинета. – К тому моменту, как лед встанет, я либо сохну, либо встречу тебя такой армией, брат, которая тебе и в кошмарах не снилась.

Я прикрыл веки, отсекая видимый мир, и позволил сознанию скользнуть глубже, туда, где в темноте моего разума натянутыми струнами вибрировали сто двадцать ментальных поводков.

Они были рядом. Не здесь, в замке, конечно – люди не смогли бы спать, зная, что *это* дышит за стеной, – а в глубоких карстовых пещерах под северным склоном. Я почувствовал их. Сто двадцать голодных чуждых искр. Сто двадцать сгустков ярости, закованных в хитин и мышцы. Они не спали. Твари Бездны никогда не спят по-настоящему, они лишь замирают в ожидании приказа убивать.

Один из поводков дрогнул. Какая-то тварь – кажется, крупный самец с перебитым в прошлой стычке гребнем – попыталась огрызнуться, проверить прочность моей хватки.

«Смирно», – мой мысленный приказ хлестнул его, как удар кнута. Тварь заскулила в моей голове и покорно прижалась к камню.

Контроль был абсолютным, но он выматывал. Каждую секунду должен был помнить, что я – вожак. Стоило дать слабину, и они разорвали бы меня на части прежде, чем добрались бы до врага.

Губы тронула горькая усмешка. Я вспомнил день, когда впервые привел их в лагерь.

Тогда их было всего два десятка. Жалкая горстка по сравнению с нынешней стаей, но моим людям хватило и этого.

Я помнил то утро до мельчайших деталей. Серый промозглый туман, стелющийся по плацу. Построение остатков моего легиона. Усталые, изможденные лица, грязные повязки, потухшие глаза людей, которые знают, что обречены.

И я, выходящий из тумана. Не один.

Сначала они слышали звук. Цоканье когтей по мерзлой земле, похожее на стук костей. Тяжелое, хриплое дыхание. А потом из белесой мглы выступили силуэты.

Троганы.

Черный хитин, блестящий от слизи. Длинные, неестественно выгнутые конечности. Челюсти, способные перекусить латный наплечник.

Я видел, как по рядам моих людей прокатилась волна чистого, животного ужаса. Кто-то судорожно схватился за эфес, кто-то попытлся, споткнувшись о товарища. Стриеты зафыркали, сходя с ума от запаха хищников, не принадлежащих этому миру.

Воины смотрели на меня не как на спасителя. В тот момент они смотрели на меня как на чудовище, предавшее человеческую природу ради победы. Я чувствовал их желание бежать, бросить оружие, отречься от меня.

– Это наш шанс, – сказал я тогда. Мой голос звучал глухо, потому что ментальное напряжение сдавливало виски. – Саргон привел драконов. Я привел смерть для них.

Троганы за моей спиной синхронно зашипели, и солдаты отшатнулись, лязгнув доспехами.

Была секунда, когда все висело на волоске. Они могли взбунтоваться. Могли попытаться убить меня, решив, что я одержим.

Но потом один из командиров посмотрел на перебинтованные культи сержанта в первом ряду. Потом на север, откуда надвигалась армада брата. Потом снова на тварей.

Он первым убрал руку с меча.

В его глазах исчез ужас, сменившись мрачной решимостью обреченного.

– Если они жрут врагов, – хрипло произнес он, сплюнув на землю, – то пусть хоть из самой преисподней лезут.

Они смирились. Стиснули зубы, заглушили инстинктивное отвращение и встали в строй рядом с монстрами. Люди привыкли к запаху серы и аммиака. Привыкли к тому, что их командир иногда застывает, глядя в пустоту остекленевшим взглядом.

Война быстро учит не быть разборчивым в средствах.

Я открыл глаза. Темный кабинет снова обрел очертания.

Я погасил свечи одну за другой. Комната погрузилась в серый полумрак, разбавляемый лишь лунным светом, просачивающимся сквозь узкую бойницу.

Тело, которое я безжалостно эксплуатировал последние трое суток, наконец, начало сдавать. Адреналин выветрился, оставив после себя свинцовую тяжесть. Каждый шаг давался с трудом, словно я шел по пояс в воде. Я отстегнул плащ, стянул камзол, бросил их на спинку стула. Рубашка прилипла к спине, холодный воздух лизнул кожу, но мне было все равно.

Жесткая, солдатская койка, застеленная грубым шерстяным одеялом. Сейчас она казалась мне лучшим местом на свете.

Я рухнул на нее, не раздеваясь до конца, и натянул одеяло до подбородка. Мышцы ныли, требуя отдыха, но разум, разогнанный магией и стрессом, отказывался выключаться. И в этой предательской тишине, когда гул голосов в голове стих до фонового шума, в мысли снова ворвалась она.

Эти...

Ее образ вспыхнул под закрытыми веками так ярко, что мне захотелось зарычать.

Зачем? Зачем она лезет мне в душу? Я пытался выстроить стену. Я пытался забаррикадироваться картами, планами, кровью, смрадом троганов.

Но стоило мне закрыть глаза, и я снова чувствовал этот демодрилов запах фиалок и дождя. Я чувствовал тепло ее руки на своем предплечье. Видел, как дрожат ее ресницы.

«Не смей, – приказал я себе, сжимая зубы так, что заныли скулы. – Не смей привязываться. Не смей хотеть этого».

Любить ее было бы преступлением. Нет, хуже – это было бы величайшей глупостью.

Кто я такой, чтобы мечтать о тепле? Я – властелин троганов. Человек, который добровольно впустил в свой разум Бездну. Я запятнан. Моя душа – это выжженное поле, где ничего не может расти.

Я перевернулся на другой бок, уткнувшись лицом в жесткую подушку, пытаюсь вытеснить ее образ темнотой.

Счастье... Это слово казалось здесь ругательством. Насмешкой судьбы.

Я не верил в милосердие богов. В моем мире, в моей жизни никогда не было места для "счастливого конца". Все, к чему я прикасался, обращалось в прах.

Эти – это свет. Яркий, чистый, невыносимый. А я – тень, которая должна исчезнуть, когда взойдет солнце.

Я нужен ей как меч, как щит, как чудовище, которое перегрызет глотки ее врагам. Но чудовищ не любят. Их боятся, их используют, а потом, когда война заканчивается, их изгоняют или убивают, потому что в мирное время им нет места.

«Это просто похоть, – врал я сам себе, зная, что это ложь. – Просто инстинкт. Тело ищет тепла перед смертью».

Но сердце предательски сжималось от тоски. Тоски по тому, чего у меня никогда не будет. По утрам, когда не нужно хвататься за меч. По тихим вечерам без страха. По ее улыбке, обращенной только ко мне.

– Уходи, – прошептал я в пустоту, обращаясь к фантому в своей голове. – Оставь меня. Дай мне быть тем, кто я есть. Убийцей.

Но она не уходила. Ее призрак остался сидеть на краю моей кровати, охраняя мой сон от кошмаров, которые уже тянули ко мне свои когтистые лапы. И, проваливаясь в черную яму забытья, я с ужасом осознал, что это единственное, что удерживает меня на плаву. Именно это сделает мою гибель неизбежной. Ведь когда тебе есть что терять, ты становишься уязвимым.

Одеяло не грело. Грубая шерсть пропиталась сыростью замка. Мое тело не протестовало. Наоборот, этот могильный холод успокаивал, словно я вернулся домой после долгого странствия по чуждой мне теплой земле.

Мысли об Этти снова попытались пробиться сквозь барьер. Воспоминание о ее горячем дыхании на моей шее обожгло кожу. Я поморщился, физически отталкивая это ощущение.

Слишком тепло. Слишком живо.

Тепло – это боль. Любой, кто хоть раз отмораживал пальцы, знает: пока они ледяные – ты ничего не чувствуешь. Боль приходит потом, когда начинаешь их отогревать. Кровь возвращается, разрывая вены, и ты кричишь от невыносимой рези.

С душой то же самое.

Темнота вокруг сгустилась, и стены кабинета растворились, сменяясь сырой кладкой винного погреба.

Мне восемь. Я еще не знаю, кто я. Я еще не чувствую крыльев за спиной и огня в груди. Я просто мальчик. Я сижу на земляном полу, обхватив себя руками. Зубы уже перестали стучать – стадия дрожи прошла, уступив место тяжелому, ватному оцепенению.

Я не вижу своих рук, здесь абсолютная тьма. Я слышу только, как наверху, за толстой дубовой дверью, продолжается жизнь. Смех гостей, звон бокалов, музыка.

Мать заперла меня здесь три часа назад. «Посиди в темноте, – сказала она своим ровным, безразличным голосом, запирая засов. – Остуди свою дурную кровь. Ты слишком назойлив, Илидан».

Подвал вытягивал тепло жадно, как голодный зверь. Сначала я плакал и колотил в дверь кулаками, сбивая костяшки в кровь. Я звал ее, надеясь, что материнское сердце дрогнет. Но слышал лишь, как ветер свистит в щелях, да писк демодрилов в углу.

Потом пришел настоящий холод. Он пробрался под одежду, сковал мышцы, заставил зубы выбивать дробь. Меня трясло так, что казалось, кости рассыплутся.

Я забился в самый дальний угол, между пыльными бочками, и обхватил себя руками, пытаюсь сохранить крохи тепла.

А потом... тряска прекратилась. Пришло странное, ватное оцепенение. Слезы высохли, страх притупился. Я прижался щекой к ледяной стене и почувствовал облегчение. Холод заморозил не только тело, но и обиду. Мне стало все равно.

В ту ночь я понял: если позволить льду войти внутрь, он станет твоей броней. Ледяные статуи не чувствуют боли. Их нельзя обидеть.

Я выдохнул в темноту, возвращаясь в реальность.

С тех пор прошли века. Я обрел сущность дракона, я научился сжигать врагов и повелевать армиями. Во мне теперь достаточно огня, чтобы растопить ледники Севера. Но тот мальчик никуда не делся. Он все еще сидит в темном, холодном углу моей памяти. И он знает, что безопаснее оставаться замерзшим.

Эти – это оттепель. Она тянется ко мне, пытаясь согреть. Но «согреть» для меня значит «вернуть чувствительность». Это значит снова стать уязвимым, снова почувствовать ту забытую детскую боль.

Я плотнее закутался в одеяло, прячась от фантомного тепла ее рук.

«Не трогай меня, – мысленно попросил я, проваливаясь в тяжелый сон без сновидений.
– Оставь меня в холоде. Так я неуязвим».

Глава 2. Этти

Я проснулась задолго до того, как Яфера коснулась крыш Адиль. В моей комнате было тепло – печь, сложенная из местного кирпича, отлично держала жар всю ночь. Вылезать из-под тяжелого мехового одеяла совсем не хотелось, тем более что ноги придавил увесистый, уютный груз.

Моя любимица Тьма спала, свернувшись в идеально черный, почти круглый меховой шар. Стоило мне пошевелиться, как шар недовольно завожился, открылись два огромных ярко-оранжевых глаза, и на меня уставился приплюснутый нос, окруженный веером длинных усов-вибриссов. Вислоухие ушки едва угадывались в густой шерсти.

– Прости, маленькая, пора вставать, – шепнула я, выбираясь на прохладный пол.

Тьма тут же спрыгнула следом, смешно перебирая короткими лапками, которых из-за лохматости почти не было видно – казалось, черный помпон просто катится по доскам. Она потерлась о мою лодыжку, требуя внимания. Я подхватила ее на руки, зарываясь пальцами в мягкий мех, и вместе с ней подошла к окну.

Сквозь мутный, желтоватый бычий пузырь, туго натянутый на раму, едва пробивался серо-синий утренний свет. Снаружи, в утренней дымке, вырисовывались силуэты новостроек. Адиль рос на глазах. Длинные ряды жилых бараков заселены, а чуть дальше, за строительными лесами, поднимались стены добротных каменных домов для семей.

Тьма на моих руках дернула ухом и чихнула, глядя на улицу апельсиновыми глазищами, словно тоже оценивала работу. Лес мы сейчас сэкономили, так как Тантан запрещал лишнюю вырубку. Только санитарную и там, где чаща вплотную обступила когда-то заброшенную деревню. Кое-где на крышах уже краснела наша собственная черепица, которой мы так гордились.

Но любоваться стройкой времени не было. Я опустила пушистика на стул и вздохнула. Время, отведенное нам сухой осенью, истекало. Небо наливалось свинцовой тяжестью, обещая скорый снегопад.

Наскоро одевшись и накинув плащ, я шагнула за порог. Холодный воздух мгновенно бодрил после домашнего тепла. Я направилась к центру поселения, туда, где возвышалось длинное приземистое здание столовой. Из широкой кирпичной трубы валил густой дым – смена пекарей и поваров вставала раньше всех.

Внутри столовой было шумно и тепло. Огромный зал с длинными столами пока пуст, но с кухни доносился звон посуды. Я прошла в святая святых. Здесь, среди огромных печей и котлов, вмурованных в каменную кладку, царствовала Марта.

– Марта! – окликнула я женщину, которая орудовала ухватом у одной из печей.

Она обернулась, вытирая руки о передник. Вид у нее был озабоченный.

– Доброе утро, госпожа Этти. Завтрак готовится, но сердце у меня не на месте. Я пересчитала мешки в кладовой... Запасы тают на глазах. Мужики на стройке работают тяжело, едят много. Если будем расходовать зерно так же щедро, то через месяц увидим дно в сусеках.

– Экономить на строителях нельзя, но и запасы нужно поберечь, – кивнула я, оглядывая просторную кухню. Стены у нас есть, крыша есть, теперь нужно обеспечить сытую зимовку, не трогая основной запас. – Сегодня мы это исправим. Собирай подростков и женщин, кто свободен. Берите мешки, корзины.

– Мешки? – она удивленно подняла брови. – Мы идем на склады? Привезли зерно?

– Нет, мы идем в лес, к Серебряным Исполинам.

Я подошла ближе к теплу печи.

– Ищите лишайник, свисающий с веток. Серый, мохнатый. И смотрите под ноги в низинах – ищите грибы, похожие на желтые кораллы. Тантан научил меня.

В глазах женщины мелькнуло недоверие. Мох и грибы вместо зерна?

– Госпожа... люди устали, им нужна сытная еда, чтобы таскать камни.

– Этот лишайник при правильной варке сытнее каши, Марта, – отрезала я, не допуская возражений. – А грибы пойдут на похлебку. Поверь мне. К вечеру здесь будет пахнуть настоящим ужином.

Марта вздохнула, но кивнула. Авторитет хозяйки был непререкаем. Недавно из Онвадина прибыл гонец и привез документы, в которых я указывалась как единственная и полноправная правительница Адиль. За мной также закреплялось право собственности на таверну, мой дом, ферму, в которой я раньше жила, а также все мои рудники, лесопилки и остальное имущество. Одним росчерком пера Илидан превратил меня из бесправной преступницы в уважаемую и довольно зажиточную особу.

– Я поняла. Сейчас же всех подниму. Через десять минут отряд будет готов, – проворковала Марта.

Пока она отдавала распоряжения помощникам, я вышла на крыльцо столовой. Вдохнула запах дыма и морозной свежести. Город строился, стены росли, но без еды эти стены станут лишь красивыми склепами. Сегодняшний день решит все.

Я перевела взгляд на группу женщин, стоявших у стены новенького барака. Они кутались в теплые шали, тихо переговариваясь. С десятков крепких здоровых женщин, которые, похоже, ожидали распределения или просто грелись, теряя драгоценное время.

Я направилась к ним. Заметив меня, разговоры стихли, женщины выпрямились, поправляя платки.

– Светлого неба, – произнесла я традиционное для Принита приветствие, слегка склонив голову в знак уважения.

– И вам мирных ветров, госпожа Этти, – вразнобой, но почтительно отозвались они, прижимая ладони к груди – жест, означающий искренность и покорность судьбе. В их взглядах читалось ожидание: они знали, что Хозяйка редко гуляет просто так.

– Я вижу, наряды на работу вы еще не получили? – мягко спросила я, убедившись, что привлекла их полное внимание. – Тогда сегодня я попрошу вас пойти со мной.

Они переглянулись, но тревоги в лицах не было, лишь любопытство.

– Куда скажете, госпожа, – отозвалась одна из них, старшая, с мозолистыми руками крестьянки.

– В Змеиную падь, – уже по-деловому продолжила я. – Нам понадобятся корзины и ведра, берите все, что найдете свободного. День предстоит долгий, но, обещаю, полезный для всей Адиль.

Дорога до ущелья заняла час. Змеиная падь оправдывала свое название: глубокий разлом, где ветер свистел, как рассерженная гадюка. Склоны густо заросли терновником. Кусты выглядели зловеще: черные узловатые ветви переплелись в сплошную стену, а вместо листьев на них топорщились длинные, сантиметров по десять, стальные иглы.

Но сквозь этот частокол маняще проглядывали гроздья ягод – крупных, налитых багровым соком, словно капли крови на черном металле.

Женщины замерли, с опаской поглядывая на шипы. Стоило одной из них сделать робкий шаг, как ветка хищно дернулась ей навстречу.

– Осторожнее, милые! – я мягко, но настойчиво преградила им путь рукой, стараясь не напугать еще больше. – Пожалуйста, не подходите к кустам просто так, они могут поранить.

Я достала глиняную баночку Тантана и протянула ее женщинам, ободряюще улыбнувшись:

– Давайте-ка мы с вами защитимся. Намажьте руки, лица – все, что открыто. Наносите погуще, не жалейте мази, она вас сбережет.

Запахло прогорклым жиром и прелыми листьями. Когда мы закончили, я первой подошла к зарослям. Мое сердце колотилось. Тантан сказал, что мазь поможет, но инстинкты кричали об опасности.

Я протянула руку. Шип, нацеленный мне в ладонь, дрогнул... и медленно опустился, словно сонный змей. Куст «почуял» запах и решил, что я не вкусная добыча.

– Работает! – выдохнула я. – Собираем. Но осторожно, не делайте резких движений.

Работа закипела. Мы двигались, как во сне – плавно, медленно. Но холод пробирал до костей. Ущелье было ледяным мешком. Я видела, как синеют губы у моих спутниц, как дрожат их пальцы. Замерзшие руки становились неловкими, и то тут, то там слышалось шипение от укулов.

Они не выдержат долго, – поняла я. – Мазь защищает от агрессии кустов, но не от мороза. Если они окоченеют, мы уйдем ни с чем. Я отошла чуть в сторону, закрыла глаза и потянулась к своей силе.

55%. Контроль погоды.

Обычно я работала с небом – разгоняла тучи, умирляла ветер. Но сейчас мне нужно было другое. Мне нужно было тепло. Я представила, как воздух вокруг нас уплотняется, как ветер, влетающий в ущелье, разбивается о невидимую стену. Я не могла превратить зиму в лето, но я могла создать «карман» тишины.

Магия отозвалась привычным гулом в крови. Я почувствовала сопротивление ветра, схватила его невидимыми руками и заставила обогнуть нас. В ущелье внезапно стало тихо. Свист ветра прекратился.

Затем я сосредоточилась на земле.

«Шипы пьют кровь, чтобы согреть корни», – всплыли в памяти слова Тантана.

– Хорошо же, – прошептала я, опуская ладони на твердую, холодную почву. – Я дам вам то, что вы ищете. Только отдайте ягоды.

Я направила поток сырой магической энергии в корни кустарника. Потянулась магией точно, находя в глубине сплетения корней. Направила в них пульсирующий поток энергии, густой и горячий. Это был обман: земля вокруг оставалась ледяной, но внутри растения растекалось магическое тепло, заставляя его поверить, что оно насытилось и согрелось.

Эффект не заставил себя ждать. Одурманенный моей силой терновник расслабился. Его ветви, до этого сжатые в тугие пружины, обмякли, словно разомлели на солнце, и немного разошлись в стороны. Шипы перестали хищно поворачиваться вслед за движениями людей.

– Смотрите, оно улеглось! – ахнула одна из женщин, опасливо протягивая руку к ветке, которая теперь висела плетью и не реагировала. – Госпожа Этти, вы его словно заговорили!

– Собирайте скорее, мои хорошие, не останавливайтесь, – попросила я как можно мягче, хотя напряжение давило на виски.

Одновременно укрывать нас от ветра и поддерживать иллюзию насыщения в корнях было непросто. Это требовало двойной концентрации, но резерв Арти позволял мне удерживать этот хрупкий баланс.

Осмелев и убедившись, что кусты не кусаются, женщины заработали быстрее. Ягоды с глухим стуком падали в корзины, и вскоре монотонная работа развязала языки. Разговор, как это часто бывало в последнее время, свернул на войну.

– Слыхали? – понизив голос, начала одна из сборщиц, тучная женщина в темном платке.

– Болтуны на рынке шепчут, что армия Илидана отступила от границы.

При звуке этого имени над кустами словно пронеслась невидимая тень. Руки женщин на мгновение замерли.

– Спаси нас небо от такого защитника, – отозвалась другая, испуганно перекрестившись.

– Он же проклят, бабоньки. На нем печать тьмы лежит. Где он ступает, там земля чернеет. Добром это не кончится, помяните мое слово. Он нас всех в бездну утянет, а не спасет.

– Да тише ты, Тарта, – робко возразила ей молодая девушка, самая младшая из всех. Она говорила едва слышно, не поднимая глаз от веток. – Если бы не его сила, война бы уже и до нас докатилась. Может... может, в такие страшные времена только такой, как он, и может справиться?

– Такой, как он? – фыркнула третья женщина, с ожесточением срывая гроздь ягод. – Скажешь тоже! Он не человек, а чудовище. Говорят, у него вместо сердца – камень, а в жилах яд течет. Он ни своих не жалеет, ни чужих. Людей на убой гонит и даже не морщится.

– Зверь он, – уверенно подтвердила Тарта. – Кровопийца. Я его пуще врагов боюсь. От врага спрятаться можно, а от своего короля куда бежать?

Женщины закивали, соглашаясь. В их голосах звучал липкий суеверный ужас. Даже та, что пыталась заступиться, зябко поежилась и промолчала.

Я слушала их, не вмешиваясь. Каждое слово отдавалось во мне болью, но я продолжала молча напивать корни магией.

– А короля-то он нашего, милого Аларика, как убил! – с надрывом подхватила женщина, высываясь из-за соседнего куста, едва не роняя корзину. – Своими руками, говорят, жизни лишил!

– Душегуб проклятый, – сокрушенно покачала головой Тарта. – А ведь Аларик, светлая ему память, какой был... Лучик Яферы ясный. Улыбался всегда, народу на праздники медяки раздавал. Мухи бы не обидел, не то что человека.

– Вот за доброту свою и поплатился, – мрачно вставила третья. – Не нужны нынче добрые правители. Говорят, Илидан его прямо в тронном зале черной магией ударил. Аларик к нему с объятиями, как к брату, а тот... Даже похоронить по-людски не дал, тело велел псам скормить!

– Псам! – смакуя ужас, повторила Тарта и сплюнула в снег. – Чтоб ни косточки, ни памяти не сохранилось. Самозванец он, а не король!

Женщины горестно завздохали, оплакивая «светлого правителя».

Я стиснула зубы так сильно, что челюсть заныла. «Милый Аларик»... «Мухи не обидел»... Ложь, ставшая легендой, жгла меня изнутри.

От нахлынувшей горечи и гнева моя концентрация на миг ослабла. Поток тепла прервался, и терновник тут же почувствовал это. Ветка прямо перед носом Тарты хищно дернулась, и длинный шип, метнувшись, как змеиное жало, полоснул болтливую бабу по запястью.

– Ай! – взвизгнула Тарта, отшатываясь и роняя горсть ягод в снег. – Укусил! Кровищу пустил, идол поганый!

Я мгновенно взяла себя в руки, с удвоенной силой вливая магию в корни и возвращая куст в сонное оцепенение. Ветка, ударившая женщину, снова бессильно обмякла.

– Тише, тише, – мой голос прозвучал немного хрипло, но я постаралась придать ему спокойствия. – Осторожнее. Не машите руками так резко, особенно когда ругаетесь. Растения чувствуют злость.

Тарта, баюкая оцарапанную руку, злобно зыркнула на куст, отошла подальше. Остальные притихли, испуганно косясь на замерзшие ветки.

– Злоба, говорите? – проворчала пострадавшая, заматывая запястье концом шали. – Это все от черной тени Илидана. Даже земля от него ядом пропиталась. А Аларик... он был чист, как горный родник!

Я выпрямилась, чувствуя, как внутри дрожит туго натянутая струна. Больше молчать я не могла.

– Аларик был не таким уж безобидным, как о нем поют в кабаках, – тихо, но твердо произнесла я.

Женщины уставились на меня. Молодая девушка замерла с открытым ртом, а Тарта даже про боль забыла, глядя на меня с суеверным испугом и недоумением.

– Госпожа? – пробормотала она, растерянно моргая. – Да что ж вы такое говорите... Грех ведь покойного хаять. Король ведь душой за нас болел...

– Тот, у кого душа болит за народ, не подписывает смертные приговоры своим защитникам, – перебила я, глядя прямо на кровавые капли на снегу. – Незадолго до смерти ваш «лучезарный» Аларик разжаловал Илидана. Лишил его всех званий и наград, объявил предателем. Он отдал приказ арестовать его, собирался казнить. Просто так, из страха перед его силой.

Я перевела дух, стараясь сохранить спокойствие в голосе, хотя сердце колотилось.

– Илидан не просто так ворвался в тронный зал. Он пришел за своей жизнью. Любой зверь кусает, когда его загоняют в угол. Почему же человек должен был покорно положить голову на плаху, когда его предали?

Повисла тяжелая тишина. Слышно было только, как ветер свистит за пределами ущелья. Женщины переглянулись – кто-то с недоверием, кто-то с растерянностью. Такая простая мысль, что у «чудовища» могла быть причина, а «лучик Яферы» мог быть палачом, явно никогда не приходила им в головы.

– И скажите мне честно, – я обвела их суровым взглядом, заставляя смотреть в глаза. – Почему вы вообще здесь оказались? Почему прибежали сюда, в эту глушь?

Женщины молчали, переминаясь с ноги на ногу и пряча озябшие руки в рукава.

– Разве от сытой и счастливой жизни бегут на край света? – продолжила я, чувствуя, как застарелая злость на несправедливость подступает к горлу. – Не тот ли самый «драгоценный» Аларик довел вас до такой жизни? Не его ли сборщики податей выгребали у вас последнее зерно, пока он улыбался на балах? Не при нем ли ваши дома покосились от нищеты так, что вам пришлось побросать все нажитое, схватить детей в охапку и бежать на самый край страны в поисках хоть какого-то спасения?

Тарта открыла было рот, чтобы возразить, но тут же захлопнула его, отведя взгляд. Крыть было нечем. Сладкая сказка о добром короле разбилась о суровую правду их собственного прошлого. Память о праздничных медяках померкла перед памятью о пустых желудках и страхе, который и гнал их прочь с нажитых мест.

– Ну так... – наконец пробурчала Тарта, теребя край шали и глядя на свои стоптанные сапоги. – Бароны, может, лютовали... А король, может, и не ведал... У него голова государственными думами занята была.

Она говорила тихо, без прежнего задора. Скорее по привычке цеплялась за старую веру, чем действительно спорила. Сложно признать, что тот, на кого ты молился, был причиной твоих бед. Куда проще обвинить «злых советников» или «тяжелые времена».

Я устало выдохнула. Спорить дальше не было смысла. Я посеяла зерно сомнения, и этого пока достаточно. Если я буду слишком ярко защищать Илидана, это вызовет ненужные вопросы.

– Ведал он или нет, а бежали вы от его правления, – отрезала я, давая понять, что разговор окончен.

Вечером мы возвращались с победой. Корзины ломились от багровых ягод. Пальцы у женщин были исколоты, но лица сияли. Мы несли не просто еду – мы несли надежду на сладкую зиму. И ягод в ущелье еще осталось много.

На входе в деревню мы встретились с группой Зена.

Зрелище было эпичным. Парни, потные, несмотря на мороз, грязные по уши, сваливали с телег узловатые, похожие на булыжники корни. Зен увидел меня и расплылся в улыбке, вытирая пот со лба.

– Два воза, хозяйка! – крикнул он. – Земля там как камень, пришлось попотеть, но мы ее взяли!

С другой стороны подходили женщины Марты, неся огромные охапки серого «войлока» и мешки с грибами.

Я стояла посреди площади, глядя на растущую гору припасов. Лишайник, корни, ягоды, грибы. Этого хватит, чтобы пережить самые лютые месяцы, если расходовать экономно. Адиль не умрет от голода.

Но мой взгляд скользнул дальше, к темной полосе леса, где начиналась Дубовая балка. Растительная пища – это хорошо. Но мужчинам, работающим в шахтах и на стройке, нужно мясо. Детям нужна сила.

Там, в балке, бродили бронероги. Живые танки с костяной броней, которую не берет сталь. Тантан сказал: «Нужны тяжелые копья и отвага». Я усмехнулась, невольно коснувшись медальона на груди. У меня не было тяжелых копий. Но у меня были магические фолианты от Арти. Там есть раздел: «Магия подчинения камня и металла».

Если панцирь бронерогов – это кость, крепкая как сталь... значит, для моей магии это просто еще один материал. Я не буду пробивать их броню. Я просто заставлю ее открыться.

– Зен! – позвала я парня, который собирался вести лошадей в конюшню.

– Да, хозяйка?

– Пусть твои парни отдыхают сегодня. А завтра... – я хищно прищурилась, глядя в сторону леса. – Завтра мы пойдем на охоту. Готовь телегу. Большую телегу.

Зен проследил за моим взглядом и побледнел.

– В Дубовую балку? На бронерогов? Этти, это самоубийство! Наши стрелы отскакивают от них, как горох!

– Нам не понадобятся стрелы, Зен, – спокойно ответила я, чувствуя, как внутри разгорается холодный азарт хищника, который я, кажется, переняла от Илидана. – У тебя есть я. А у меня есть ключи от любых замков. Даже если этот замок – живой зверь.

Глава 3. Илидан

Черная река ревела внизу, взбивая грязно-белую пену о выступающие скалы. Это был единственный звук в мертвой тишине ночи, и сейчас он казался мне самой прекрасной музыкой на свете.

Пока вода бурлит – Саргон не пройдет.

Я стоял на обрыве, глядя на противоположный берег. Там, во тьме, мерцали сотни огней. Костры лагеря моего сводного брата. Их было много. Слишком много. Если бы я не обрушил мост, они бы уже пировали на наших костях.

Малакор еще не привел свои силы, никогда не нападал сразу. Он выжидал. Это его старая привычка – высокомерие древнего ящера. Он не считал меня достойным противником, он считал меня болезнью, которую нужно выморить голодом. А Саргон... Саргон нервничал. Я видел по следам на том берегу, как хаотично двигаются его отряды. Брат спешил. Ему нужно убить меня до того, как прибудет отец. Он хотел забрать славу себе.

Однако время – предатель. Я чувствовал, как мороз на этот раз играет против меня. Воздух становился прозрачным и звонким, температура падала. Еще два, может, три дня – и бурный поток превратится в ледяной тракт. И тогда Саргон перейдет реку, не замочив сапог.

Мне нужно готовиться.

Но вдруг я замер, отвернувшись от обрыва.

Я почувствовал это кожей, раньше, чем увидел или услышал. Что-то тяжелое, огромное и чужеродное заворочалось в пространстве позади меня. Вибрация прошла не по земле, а по самой ткани реальности, отдаваясь тупым гулом в костях и зубах.

Это шло из глубины лагеря. Из прорыва, который открылся совсем недавно в кольце каменных глыб.

Топот ног прервал мои мысли.

– Ваше Величество! – звонкий, срывающийся от страха голос разрезал тишину.

Ко мне, скользя по обледенелым камням и едва не падая, подбежал паренек – совсем мальчишка, вестовой в великоватом шлеме. Его глаза расширены от ужаса, рука дрожала, указывая в сторону лагеря.

– Ваше Величество! – выдохнул он, хватая ртом воздух. – Прорыв шевелится! Сейчас троганы полезут!

Мальчишка был в панике. Для него, как и для любого нормального человека, это был сигнал к бегству или смерти.

Но я лишь ощутил мрачное удовлетворение.

– Я знаю, – спокойно ответил, проходя мимо застывшего солдата. – Пусть лезут.

Я направился напрямик к пульсирующей фиолетовой трещине. Раньше моей задачей было закрывать их. Запечатывать, не давая тварям изнанки проникать в наш мир. Я был стражем.

Теперь я стал тюремщиком.

– Ваше Величество, – один из моих лейтенантов отступил на шаг, когда я приблизился. В его глазах я видел тот же страх. Не перед врагом, а передо мной. И перед тем, что я собирался сделать.

Я кивнул ему, приказывая отойти, и шагнул к прорыву.

Оттуда пахло серой и гнилым мясом. Реальность стонала, пытаясь затянуться, но ни один прорыв еще не закрылся без моего вмешательства. Теперь я не собираюсь их закрывать...

– Выходи, – прорычал я на языке, от которого у людей шла кровь из ушей. – Служи мне.

Я не учил эти гортанные, вибрирующие звуки. Когда поглотил силу десятков прорывов, это знание просто возникло в голове, словно осадок на дне бокала. Этот язык был примитивным, лишенным полутонов, как и сами его носители. У троганов не было сложных мыслей, не было мечтаний. Их инстинкты сводились к одной-единственной, бесконечной жажде – убивать. И приказывать им нужно было так же: просто и жестоко.

Из фиолетового тумана выступила массивная фигура. Троган. Два с половиной метра мышц, покрытых хитиновой броней, четыре руки с когтями-крючьями и абсолютная, первобытная ненависть во взгляде.

Тварь зашипела, готовясь к броску.

Я не стал использовать оружие. Моя аура, тяжелая и горячая, накрыла монстра, вдавливая его в землю. Я ломал его волю, сминал инстинкты, заставляя признать во мне альфу. Это было больно. Слово я вбивал раскаленные гвозди в собственный череп.

Троган дернулся, захрипел и опустился на одно колено, склоняя уродливую голову.

Сто двадцать первый.

Я выдохнул, чувствуя, как по виску стекает капля пота, тут же застывая на морозе.

Оглянулся. И приказал трогану следовать в карстовые пещеры, где терпеливо ждали сто двадцать молчаливых смертоносных теней. Моя личная гвардия из чудовищ.

Когда-то я истреблял их. Теперь я их коллекционирую.

Этого мало. Катастрофически мало. У Саргона драконы. У него магия, у него численное превосходство. Даже с силой прорывов, я не смогу выжечь их всех. Один в поле не воин, даже если это поле – небо, а воин дышит огнем. Войны выигрывают армии, а не одиночки.

Я снова посмотрел на прорыв. Из него уже показывалась следующая тварь. Голова раскалывалась. Стоит мне ослабить хватку на секунду – и они разорвут сначала меня, а потом и всех моих людей.

Но у меня не было выбора.

Я сжал кулаки, чувствуя, как чешуя проступает под кожей на костяшках. Холод ночи кусал лицо, но внутри меня разгорался тяжелый мрачный жар.

– Следующий! – приказал я темноте.

Пусть река замерзает. К тому времени, как лед станет крепким, я соберу здесь столько тварей, что даже Саргон, увидев нас, вспомнит, что такое страх. Я ставлю на кон все. Свою душу, свою человечность, свою жизнь.

Лишь бы у меня хватило сил удержать их поводки.

Я отпустил волю, позволяя ментальным тискам чуть ослабнуть, но не исчезнуть. Голова гудела, словно в нее залили расплавленный свинец. Мне нужен холод. Мне нужен ледяной ветер, чтобы остудить кипящую кровь.

Оставив лейтенанта следить за прорывом, я снова направился к реке. Не к тому обрыву, где стоял раньше, а к единственному стратегически важному месту – остаткам моста. Именно там русло сужалось, и именно там лед должен встать в первую очередь.

Если Саргон умен, он уже готовит понтоны или ищет броды. Я не мог полагаться только на донесения разведчиков – мне нужно видеть врага.

Каменная арка моста, некогда соединявшая берега, теперь напоминала сломанный позвоночник гиганта. Оборванный край дороги нависал над черной бурлящей водой. Я шагнул на самый край обломанной плиты. Ветер ударил в лицо, принося запах снега и... дорогих благовоний.

На той стороне, на таком же обломке моста, стояла одинокая фигура. Нас разделяло не больше тридцати метров ревущей бездны.

Саргон.

Он не прятался. В свете луны его мифриловые доспехи сияли так ярко, что казались неуместными здесь, среди грязи и крови войны. Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на бурлящую воду внизу. Ни охраны, ни свиты. Только он и его эго.

Лишь когда я подошел к самому краю, он лениво поднял голову.

– Я гадал, хватит ли у тебя смелости показаться, – его голос, усиленный магией, легко перекрыл шум воды. Он звучал спокойно, но я видел, как его пальцы впились в наручи.

Я молчал, изучая его. Этот дракон мог быть мне братом. Вместо этого от него исходила только лютая ненависть. Саргон выглядел безупречно. Ни пылинки на плаще, идеально уложенные волосы. Картинка из учебника истории. Он был всем тем, чем я не стал. И всем тем, что я презирал.

– Мост рухнул, Саргон, – ответил я, мой голос звучал хрипло и устало, в противовес его звонкому баритону. – Тебе здесь не пройти. Разворачивай свои золотые шатры и уходи.

Он рассмеялся. Смех был коротким и злым.

– Уйти? Когда я так близок к тому, чтобы смыть пятно позора с нашего герба?

Саргон шагнул ближе к обрыву. Я заметил, как он скользнул взглядом по моей одежде – темной, испачканной в копоты и слизи троганов. Его лицо скривилось в гримасе брезгливости.

– Тебе стоило сдохнуть в той лачуге в Адиль, брат! – его голос прогремел над ущельем, отражаясь от скал. – Говорят, твоя мать до конца дней стирала чужое белье, проклиная день, когда раздвинула ноги перед нашим отцом.

Удар был рассчитан точно. Саргон навел справки. Он знал, где и как умерла моя мать. Он знал про нищету, про ее ненависть ко мне. Он хотел сделать мне больно, выбить почву из-под ног.

Но он добился обратного. Моя усталость исчезла, сменившись ясностью.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Ты пришел поговорить о прачках, Саргон? – мой голос звучал тише, но он резал воздух, как лезвие. – Зачем? Чтобы убедить меня в моем ничтожестве? Или чтобы убедить себя в своем величии? Тебе нечем гордиться, кроме своей чистокровности?

Саргон перестал улыбаться. Его маска надменности дала трещину.

– Я пришел исправить ошибку отца, – выплюнул он. – Ты – позор нашего рода, Илидан. Грязь, которая возомнила себя золотом только потому, что у нее выросли крылья. Отец был слишком брезглив, чтобы удавить тебя в колыбели. Но у меня нет таких предрассудков. Ты – ошибка природы, бастард, укравший силу, которая тебе не принадлежит!

Я внимательно смотрел на него. В его позе, в том, как нервно он теребил рукоять меча, я читал то, что скрыто за пафосными словами.

Малакора здесь не было.

Если бы отец был здесь, Саргон стоял бы позади, опустив голову. Но Саргон был один.

– Верно, – тихо сказал я. – Ты не он.

Я кивнул на пустой берег за его спиной.

– Где Малакор, Саргон? Почему он не здесь? Почему он отправил тебя одного штурмовать неприступную реку?

Саргон дернулся. Его рука непроизвольно легла на эфес меча.

– Мне не нужна нянька, чтобы раздавить ублюдка!

– Ты спешишь, – продолжил я, не повышая голоса. Я бил словами в открытые раны его тщеславия. – Ты боишься, что отец придет и увидит, что ты не справился. Или еще хуже... ты боишься, что он придет и снова будет смотреть только на меня. Даже с ненавистью, но на меня. А ты так и останешься его послушной тенью.

Лицо Саргона исказилось яростью. Он выхватил меч и направил его на меня через пропасть. Лезвие вспыхнуло магическим огнем.

– Когда я перейду на ту сторону, выродок, – прошипел он. – то вырежу твое сердце и брошу его псам. Я докажу ему, кто из нас настоящий дракон!

Он боялся не меня. Он боялся отца. Он всю жизнь был идеальным сыном, но Малакор – холодная скала, которого невозможно впечатлить. Саргон ненавидел меня не только за то, что я полукровка. Он ненавидел меня за то, что я – единственное, что вызывало у нашего отца хоть какие-то эмоции, пусть даже это были презрение и ярость. Я был ошибкой Малакора, а Саргон – всего лишь его тенью.

– Лед уже встает, Саргон, – ответил я, разворачиваясь. – Готовься. И постарайся не испортить прическу, когда будешь умирать.

Я ушел в темноту, спиной чувствуя его бессильный испепеляющий взгляд. Теперь я знал своего врага. Он был опасен, силен и обучен. Но он был сломлен изнутри. Он сражался за одобрение папочки.

А я сражался за жизнь.

И в этой войне у меня не было правил.

Я вернулся в свои покои в северной башне крепости. Каменные стены здесь дышали вековым холодом, но мне это нравилось. После душного запаха серы и гниющей магии прорывов чистый морозный воздух казался благословением.

Саргон был прав в одном – я устал. Но не от войны. Я устал от того, что даже спустя годы призраки прошлого продолжают дышать мне в затылок.

Я опустил в жесткое деревянное кресло и стянул перчатки. Посмотрел на свои ладони. Они были спокойны. Ни единого лишнего движения, ни намек на тремор. Магия выжигала других дотла, заставляла их тела биться в конвульсиях, но я был сосудом, созданным для этой силы. Я был сыном Дракона и Человека.

Всю жизнь меня называли полукровкой, ублюдком, ошибкой природы. Глупцы. Они видели во мне смешение двух слабостей, но я был сплавом двух сил. Я взял все самое лучшее от обоих видов, отбросив их недостатки.

От отца я получил тело, способное вместить бездну. Мои кости были тверже стали, моя кожа не боялась ни огня, ни мороза, а в жилах текла не просто кровь, а жидкая магия. Драконы совершенны физически, но они ленивы и высокомерны. Их долголетие делает их статичными. Им ничего не нужно, у них нет желаний, кроме власти и золота.

Но материнская кровь... Человеческая кровь дала мне то, чего лишены ящеры. Она дала мне *голод*. Бесконечную, грызущую амбицию. Изобретательность. Дракон сожжет деревню и улетит. Человек построит на пепелище империю, поработит выживших и заставит их славить свое имя.

Люди слабы телом, они умирают от царапины, но их разум – это генератор идей, коварства и адаптации. Они выживают вопреки всему.

Я объединил в себе холодное всемогущество дракона и ядовитую изворотливую живучесть человека. У меня была мощь бога и злость крысы, загнанной в угол.

Именно этот коктейль позволял мне не просто закрывать прорывы, но и подчинять их. Дракон бы уничтожил их. Человек бы убежал. Я же сделал их своей силой.

Я смотрел на огонь в камине, но видел не угли, а красные, распухшие от щелока руки матери. Те самые руки, которые Саргон так презрительно упомянул. «Прачка из Адиль».

Я помнил запах нашего дома – сырость, дешевое мыло и безнадежность. И я помнил боль.

Мать била меня. Не в порыве воспитания, не ради дисциплины. Она била меня с остервенением, с черной ненавистью, пытаясь выместить на мне всю злость за свою сломанную жизнь. В ход шло все: мокрые, тяжелые как плети простыни, палки, кухонная утварь.

Я был живым напоминанием о ее глупости. О том, что она поверила дракону, который воспользовался ею и улетел. Но больше всего она жалела о том, что забеременела. Она с фанатичным упрямством верила: не будь меня, Малакор не покинул бы ее. В ее искаженном горем сознании я стал той единственной досадной помехой, из-за которой дракон расправил крылья и исчез в облаках.

Она убедила себя, что без меня так и жила бы в богатстве и роскоши. В ее мечтах она все еще была избранницей могущественного существа, ступающей по шелкам, а не по гнилым доскам нашей лачуги. Но появился я – и сказка рассыпалась в прах. Мое рождение пустило ее жизнь под откос, превратив несостоявшуюся владычицу в озлобленную прачку с потрескавшейся кожей на руках. Я был для нее не сыном, а якорем, утянувшим ее на дно.

– У тебя глаза не человеческие, – шипела она, нанося очередной удар, когда я был еще совсем ребенком. – У людей зрачок круглый. А у тебя... как у змеи! Не смей смотреть на меня!

Мать пыталась выбить из меня эту «змеиную» сущность. Вбивала в меня молитвы вместе с синяками, кормила какой-то горькой дрянью от знахарок, чтобы «вытравить семя монстра». Но чем сильнее она меня била, тем тверже я становился. Чем старше я был, тем больше во мне просыпалась кровь Малакора. Я почти не мерз. Моя кожа заживала быстрее, чем у соседских мальчишек. Я видел в темноте.

И однажды я перестал плакать. Я просто смотрел на нее своими змеиными глазами, пока она не опускала руку в бессильном страхе.

В день, когда мать умирала, я попытался взять ее за руку. Не знаю зачем. Может, искал хоть каплю прощального тепла. Но она отдернула ладонь с такой силой, словно я был раскаленным углем. Из последних сил она отстранилась к стене.

– Будь ты проклят, – прошептала она.

Это были ее последние слова. Не отцу, который ее бросил. А мне. Сыну, который был рядом.

Я медленно сжал кулак, наблюдая, как натягиваются сухожилия.

Ее проклятие не упало в пустоту. Оно не рассеялось под низким потолком нашей лачуги вместе с ее последним выдохом. Оно впиталось в меня, как чернила в пергамент, стало моим единственным наследством. Другие матери оставляют детям фамильные кольца, теплые воспоминания или хотя бы надежду. Моя мать оставила мне ненависть, сконцентрированную в трех коротких словах.

Я часто думал об этом, глядя на огонь. Сбылось ли оно?

В каком-то смысле – да. Я остался один, чужой и для людей, пугающихся моего взгляда, и для драконов, которым нет до меня дела. Я живу с дырой в груди там, где у других должно быть что-то мягкое и человеческое.

Но в главном она ошиблась. Она молила небеса о моей гибели, она хотела, чтобы «змеиное семя» сгнуло. Но ее проклятие сработало иначе. Оно выжгло во мне все лишнее – жалость, потребность в любви, страх одиночества. Оно стало моей броней. Если родная мать увидела во мне чудовище и прокляла меня, то чего мне бояться от остальных? Чье еще отвержение может меня ранить?

Я подбросил полено в камин. Искры взметнулись вверх, словно маленькие звезды.

– Ты получила то, что хотела, мама, – прошептал я огню. – Я проклят. Но это проклятие сделало меня тем, кто я есть. И Саргону, с его золочеными титулами и чистой родословной, придется иметь дело не с сыном прачки. А с тем самым монстром, которого ты так старательно создавала.

Саргон думает, что память о матери – это моя слабость? Глупец. Ненависть матери выковала меня. Она научила меня главному: никто не полюбит тебя просто за то, что ты существуешь. Любовь – это сказка для идиотов. Верность – это ресурс, который покупается. А страх – единственная валюта, которая не обесценивается.

Поэтому, когда несколько лет спустя кля, эта девчонка из чужого мира, в бессильной ярости выплюнула мне в лицо свое проклятие, я лишь рассмеялся. Искренне, громко.

Что для меня ее ненависть? Что она вообще может знать о настоящей тьме?

Ее проклятие было лишь бледной тенью, детским лепетом по сравнению с тем грузом, который я тащил на плечах с рождения. Разве могут слова чужачки ранить того, кого прокляла собственная мать, глядя в глаза на смертном одре? Разве может ее гнев сравниться с той бездной, что отделяет меня от отца?

Однако, для суеверных глупцов, слова прищелицы звучали как печать рока. Они запомнили их. То, что для меня было ерундой, для мира стало легендой. Люди до сих пор шепчутся по углам, передавая друг другу ее слова как страшную тайну. Из-за крика этой чужачки они считают меня живым бедствием. Проклятым. Существом, опасным для самого мироздания.

Они шарахаются от моей тени, веря, что я принесу конец всему сущему, ведь так сказала «Та, что пришла извне».

Идиоты.

Им стоило бы бояться не того, что напроговорила кля. Им стоило бы бояться того, что сделала со мной прачка из Адиль.

Я остался сидеть неподвижно, словно изваяние. Настоящие монстры рычат, крушат и требуют крови. Я же просто хотел тишины.

Их страх – это единственное, что связывает меня с миром живых. Убери этот страх, и что останется? Пустота. Холодный ветер, гуляющий в руинах души, где никогда не горел очаг.

Я не проклятие этого мира. Я его самая печальная ошибка.

Люди так отчаянно ищут во мне великое зло, древнюю тьму... Им проще верить в красивую легенду о проклятом, чем признать правду.

А правда скучна. Во мне нет никакой мистической тьмы. Во мне просто ничего нет.

Там, где у них горит душа, у меня – выжженная степь. Там, где у них сострадание – тишина.

Я – не монстр, жаждущий крови. Я – пустота, которая пришла забрать свое. И если они хотят видеть во мне гибель, я не стану их разубеждать.

В конце концов, у каждой сказки должен быть свой злодей. Даже если этот злодей просто очень устал.

Глава 4. Этти

На рассвете мир казался отлитым из серого чугуна. Низкое небо давило на плечи, а воздух в Дубовой балке был густым от запаха прелой листвы и тяжелого мускуса.

Мы оставили телегу у кромки леса. Зен и семеро самых сильных мужчин из деревни шли за мной, сжимая в руках не охотничьи рогатины, а тяжелые шахте

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.